

ТАТЬЯНА ПАВЛОВНА ТЕТЕРЕВЛЕВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-0290-9480; t.teterevleva@narfu.ru

ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА ШУРУПОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова;

научный сотрудник

Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник

(Архангельск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-2842-7439; e.shurupova@narfu.ru

**ПЕТР I В АРХАНГЕЛЬСКЕ:
ОСОБЕННОСТИ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ КОММЕМОРАЦИИ**

А н н о т а ц и я . Статья посвящена созданию и трансформации одного из мест памяти, связанных с пребыванием Петра I на Русском Севере. История сооружения и восстановления памятника Петру I в Архангельске, представленная в рамках исследований коллективной памяти, дает возможность проследить взаимодействие между локальной мемориальной культурой и официальным историческим нарративом Российской империи, а затем Советского государства. Цель работы – выявить региональные особенности обоснования монументальной коммеморации исторического деятеля. На основе документов Государственного архива Архангельской области, материалов периодической печати представлены основные этапы конструирования места памяти, впервые приведена характеристика связанных с ним коммеморативных практик, уточнены особенности взаимодействия между их участниками. Авторы показывают, что монументальная коммеморация Петра I не только основывалась на событиях местной истории, но, выделяя в качестве ключевого события Полтавскую победу, ставила в центр внимания военную историю России в целом.

К л ю ч е в ы е с л о в а : памятник Петру I, Архангельск, М. М. Антокольский, коллективная память, монументальная коммеморация

Б л а г о д а р н о с т и . Выражаем признательность сотрудникам Государственного архива Архангельской области и Архангельской областной научной библиотеки имени Н. А. Добролюбова.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Тетеревлева Т. П., Шурупова Е. Е. Петр I в Архангельске: особенности монументальной коммеморации // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 107–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.663

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы коллективной памяти – разделяемых в обществе представлений об историческом прошлом – уже не первое десятилетие привлекают внимание представителей различных отраслей социально-гуманитарного знания. Междисциплинарные исследования в рамках *memory studies* представлены многочисленными трудами, освещающими формирование, эволюцию и способы репрезентации представлений о прошлом [3], [10], [11], [14], [15], [18]. Важным направле-

нием этих исследований является изучение особенностей коллективного «(вс)помятия» (коммеморации) значимых исторических событий и личностей, которое, с одной стороны, опирается на устоявшиеся образы прошлого, а с другой – является объектом символической политики государства [5], [7], [8], [9], [13]. Значимой формой такого «вспоминания» выступает монументальная коммеморация – создание памятников, мемориальных архитектурных сооружений, а также связанные с ними ритуалы и церемонии [4], [16], [17], [19]. Сооружение памятника Петру I

в Архангельске является одним из примеров такой коммеморации.

Петр трижды приезжал в Архангельск: в 1693, 1694 и 1702 годах. Первым монументальным свидетельством пребывания Петра на Архангельском Севере стал небольшой бревенчатый дом, срубленный к его третьему приезду на Марковом острове, напротив строившейся Новодвинской крепости и впоследствии получивший известность как «домик Петра I». В первые же приезды царь жил на Мосеевом острове¹ близ Архангельска. В начале XIX века остров, где

«незабвенный преобразователь России Петр Великий, осчастливив в первый раз посещением своим город Архангельск, вышел на берег... 30 июля 1693 года... и изволил иметь пребывание в нарочно устроенных на сей случай домиках, называвшихся светлицами»,

стал местом первых посвященных Петру коммеморативных церемоний:

«В достопамятный день этого события 30 июля сего года, согласно желанию всех сословий города Архангельск на том на самом острове Моисеева совершенно было Преосвященным Георгием, Епископом Архангельским и Холмогорским торжественное молебствие, сопровождавшееся после того приличным дню сему празднованием»².

Однако и Мосеев, и Марков острова не являлись частью собственно города, что, вероятно, и обусловило появление идеи о создании связанного с приездами Петра на Север «места памяти»³ в городском пространстве Архангельска. Именно в этом контексте впервые был поднят вопрос о сооружении памятника Петру I в Архангельске. 28 сентября 1841 года, за два года до 150-летнего юбилея первого посещения города Петром, вице-губернатор М. Ф. Ножин направил следующее прошение на имя военного губернатора Архангельска И. И. Сулимы:

«На празднестве 30 июля сего года учрежденном в память первого прибытия к городу Архангельску Великого преобразователя и благодетеля России, блаженныя памяти императора Петра Великого, вы соизволили быть свидетелем общего желания жителей Архангельска упредить в память потомства незабвенный для Архангельска день первого прибытия сюда Его величества 30 июля 1693 году, устройением памятника сего события»⁴.

К прошению прилагались подписные листы с почти тремя сотнями подписей жителей города – представителей разных сословий⁵.

Стоит отметить, что для архангелогородцев это был не первый опыт сбора подписей за строительство памятника. В 1829 году в Архангельске был открыт памятник М. В. Ломоно-

сову, сооруженный на собранные по подписке деньги⁶. Эта кампания скорее была общероссийской и столичной инициативой, нежели местной: объявления о сборе средств публиковались в периодической печати, в числе жертвователей был и сам император Николай I. Как отмечает С. А. Еремеева,

«в сборе средств принимали участие и купцы, и Архангельское мещанское общество (правда, как всегда в российском контексте, нельзя понять, связано это с гражданским или с общинным сознанием и привычкой жертвовать на дело, объявленное богоугодным)» [4: 349].

Тем не менее, скорее всего, именно этот пример стал источником вдохновения для начала сбора подписей за сооружение в Архангельске памятника Петру I.

Памятник, который предполагалось создать «из камня здешней губернии в виде колонны», призван был увековечить первое посещение города «преобразователем России». Вызывает интерес обоснование сооружения памятника: приезды Петра в Архангельск представлены в прошении «началом и главным виновником нынешнего благоденствия города и коммерции, от коей зависит существование жителей»⁷. Это не вполне соответствует исторической действительности: известно, что с 1713 года ряд ведущих экспортных продуктов предписывалось вывозить не через порт на Белом море, а через Балтику (Санкт-Петербург). В этой связи отметим мнение архангельского исследователя о том, что

«региональное почитание Петра I несоразмерно с историческим последствием введенных им ограниченный для торговли – неблагоприятного фактора развития экономики поморского города» [6: 38].

В октябре 1841 года прошение о памятнике было передано в Министерство внутренних дел, откуда через два месяца пришел ответ:

«По рассмотрении сего дела, входил я с представлением в Комитет [господ] министров, по положению коего Государь император не изъявил Высочайшего соизволения на приведение в исполнение означенного предложения жителей г. Архангельска»⁸.

В письме не представлены причины отказа, но можно предположить, что в ситуации первой половины XIX века, когда городские памятники, тем более императорам, были нечасты и в какой-то мере исключительны [4], небольшой провинциальный город не был сочтен достойным подобной чести.

Вплоть до начала XX века самым значимым местом памяти, связанным с пребыванием Петра I в Архангельске, оставался домик Петра, который к этому времени уже неоднократно ре-

монтировался, а в 1877 году был перевезен в центральную часть города, на набережную Северной Двины. Это стало местом проведения коммеморативных церемоний, отсылавших прежде всего к событиям гражданской истории страны, а также к истории Российского флота: здесь отмечались юбилеи приездов Петра I на Север, основания Петербурга и тезоименитства императора.

Идея сооружения монумента Петру I вернулась в контексте коммеморации события, лишь косвенно связывавшего Петра и Архангельский Север, и, можно сказать, благодаря случайному стечению обстоятельств. В 1909 году в России торжественно отмечался 200-летний юбилей Полтавской битвы. В Архангельске по этому случаю также намечался целый ряд мероприятий: выпускались юбилейные издания, посвященные Петру Великому⁹; для учебных заведений города закупались портреты императора¹⁰; начался сбор средств на открытие Народного дома имени Петра Великого в Соломбале¹¹; разрабатывалась программа городского публичного праздника. В неофициальной части «Архангельских губернских ведомостей» публиковалась серия статей, посвященных Петровской эпохе, под общим заголовком «Добрый гений Севера (про царя Петра Алексеевича, первого императора на Российской земле)»¹².

В рамках подготовки к юбилею по решению Городской думы домик Петра был перенесен вдоль набережной и поставлен напротив кафедрального собора. Над домиком соорудили каменный футляр.

31 мая 1909 года гражданский губернатор И. В. Сосновский направил письмо городскому голове Архангельска Я. И. Лейцингеру, в котором сообщал:

«В настоящее время представляется редкий случай приобрести для гор. Архангельска за ничтожную, сравнительно, цену превосходную бронзовую статую императора Петра Первого в натуральную величину по модели знаменитого (ныне покойного) скульптора Антокольского, находящейся в Петергофском парке»¹³.

За несколько дней до этого Сосновский получил от жившего в столице племянника открытку с изображением петергофского памятника¹⁴, что, вероятно, повлияло на решение обратиться в парижскую мастерскую Я. П. Антокольского (одного из наследников скульптора) для заказа статуи.

Полноростовое скульптурное изображение Петра I в мундире офицера Преображенского полка – одно из самых знаменитых творений М. М. Антокольского¹⁵. Хотя сам Антокольский писал: «Петр у нас единственный» [12: 190], бронзовых статуй впоследствии было от-

лито четыре. Создание копии для Архангельска Я. П. Антокольский оценил в 5000 рублей.

Переписка между И. В. Сосновским и Я. П. Антокольским о заказе статуи началась в июле 1909 года. Однако к сооружению памятника приступить в юбилейном году не удалось: решение вопроса об оплате заказа затянулось. Архангельская Городская дума вначале предлагала оплатить счет двумя платежами (в январе и декабре 1910 года), но Антокольский настаивал на сокращении сроков второго платежа¹⁶. В итоге дума согласилась на эти условия, и Городская управа сделала официальный заказ, согласившись на условия Антокольского («оплата не позже первых чисел апреля 1910 года»¹⁷). Отлитая статуя была отправлена из Парижа в Санкт-Петербург 28 октября 1909 года¹⁸, при этом было получено разрешение на ее беспрошленный провоз¹⁹. Однако из-за разного рода проволочек статуя была доставлена в Архангельск лишь в конце зимы 1910 года²⁰.

Стоит отметить, что сооружение памятника являлось не только социальной – коммеморативной, но и в значительной степени декоративной практикой: губернатор воспринимал скульптурный памятник и как возможность отдать дань памяти императору и, что не менее важно, как способ украсить «свой» город, повод для благоустройства городского пространства. Сам И. В. Сосновский так писал об этом:

«...можно было бы соорудить осенью текущего года на городском бульваре или в другом подходящем месте великолепный памятник Петру Великому, который явился бы лучшим украшением нашего бедного художественными сооружениями города»²¹.

Губернатор также выражал готовность, в случае отсутствия у городского управления ресурсов для покрытия всех расходов по сооружению памятника, взять на себя организацию сбора пожертвований на оплату дополнительных издержек.

Для сооружения памятника в июле 1910 года при Городской думе была создана исполнительная комиссия из четырех человек под председательством П. Г. Минейко²². При выборе места установки решающую роль сыграло то, что в Архангельске, как упоминалось выше, уже существовало связанное с Петром I место памяти. Согласно постановлению Исполнительного комитета, памятник предстояло установить

«в скверике, где стоит домик Петра, между этим домиком и соборным проездом, ближе к последнему. Место это должно быть правильно распланировано, поднято и вообще благоустроено»²³.

Статую следовало водрузить на постамент из местного камня, добытого на о. Кондостров, который находился в ведении Соловецкого монастыря²⁴. Примечательно, что настоятель монастыря Иоанникий лично осмотрел заготовленные для памятника камни, о чем написал губернатору И. В. Сосновскому в сентябре 1909 года:

«Камни лежат на скалистом берегу у самой воды, так что судно с осадкой до 10 фут. сможет подойти удобно, почти вплотную к берегу»²⁵.

Тем не менее, указывая в том же письме, что для погрузки камней на судно необходим штиль, Иоанникий предлагал подождать с перевозкой камней,

«так как теперь в осеннее время нельзя ожидать совершенно тихой погоды, и мастера наши находят подъем камней теперь весьма трудным, почти невозможным»²⁶.

В итоге камни были доставлены к Архангельску лишь в 1910 году и выгружены на таможенную пристань, где и пролежали, к неудовольствию начальника таможни, до следующего, 1911 года.

Для разработки проекта постамента Городская управа объявила открытый конкурс, на который было представлено шесть проектов. 9 марта 1911 года конкурсное жюри приняло решение премировать 100 рублями составителя проекта под условным названием «Петух»²⁷, автором которого был младший инженер дорожной части Архангельского губернского комитета С. А. Пец [1]. В том же году в торгах за подряд на изготовление постамента и обустройство места установки победил крестьянин Я. М. Насонов, «мастер монументальных дел»²⁸. Именно поэтому на одной из граней памятника значится 1911 год – год начала работ по сооружению собственно монумента.

Для обустройства сквера вокруг памятника из сада Ревеля и Кессельринга в Петербурге были выписаны декоративные кустарники и деревья: акация, дерен, жимолость, сирень, жасмин, липа и калина²⁹. Хотя работы в целом были закончены к сентябрю 1913 года, комиссия Городской управы отложила приемку памятника до следующего года³⁰.

В конце весны 1914 года городские власти начали готовить торжественное открытие памятника. Сначала праздник был назначен на 29 июня – день тезоименитства Петра I, за что проголосовали большинство членов Городской думы. Однако по просьбе нового губернатора С. Д. Бибикова, который в этот день должен был находиться по делам службы на Мурмане³¹, городские власти перенесли торжества на 27 июня. Из-за этого обстоятельства открытие

памятника оказалось вновь приуроченным к дню Полтавской битвы. Косвенность привязки этой даты к местной истории заметна в формулировке официального обоснования даты открытия памятника:

«Памятник Императору Петру I воздвигнут по случаю 200-летней годовщины, исполнившейся 27 июня 1909 года, со дня Полтавской победы, руководимой великим полководцем Императором Петром I, заботившимся и о возрождении окраин Севера»³².

Следует отметить, что вся деятельность по сооружению памятника проходила без согласований с центральной властью, что подтверждается содержанием поступившей за пару дней до открытия памятника телеграммы из Петербурга: 24 июня 1914 года товарищ министра внутренних дел И. М. Золотарев потребовал от губернатора пояснений, кем и когда утвержден проект памятника Петру I Архангельске. В ответной телеграмме С. Д. Бибилов сообщил, что он таких сведений не имеет³³. Дальнейших запросов не последовало, и открытие памятника состоялось.

Программа городского праздника была обширна, включала в себя молебен, пушечный салют и парад судов и яхт. Газета «Архангельск» опубликовала не лишенный литературности отчет о событии, по которому можно судить не только о масштабе праздника, но и о восприятии праздничного события горожанами, далеко не все из которых понимали смысл происходившего:

«Толпа настраивается, волнуется, ждет, с каждой минутой все нервнее... Говор наполняет всю площадь.

– Говорят, сам царь приехал на торжество...

– Нет, врут. Князь какой-то...

– А что, миленькие, делать тут будут? – вопрошает древняя старушка.

– А вот, бабка. Вишь, вон, где флаги-то повешаны. Стоит в середке памятник. Вишь, покрыт белым-то. Дак, эту покрывалку-то соймут, из пушек будут палить. Значит, памятник открывать будут, нашему царю Петру Великому.

– А разукрасили хорошо-о-о... – сладко тянет пьяненький. Вишь, орлы расейские везде понаделаны. Флаги наших цветов все больше... <...>

– Сейчас... – вот слово, которое вырывается из уст тысячеголовой толпы...»³⁴.

Окончательное оформление связанного с Петром места памяти в городском пространстве Архангельска произошло в 1915 году, когда вышел императорский указ, согласно которому сквер, где находились памятник и домик Петра, из Михайловского был переименован в Петровский (о чем ходатайствовала Городская дума)³⁵.

Однако бронзовому Петру недолго суждено было простоять на этом месте: согласно Де-

крету Совета народных комиссаров от 12 апреля 1918 года,

«памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц и частью перенесению в склады, частью использованию утилитарного характера»³⁶,

и практически сразу после восстановления Советской власти в Архангельске в феврале 1920 года памятник Петру I был разобран. «Место памяти» подверглось радикальной трансформации: 9 мая 1920 года в бывшем Петровском сквере состоялось торжественное захоронение большевиков-подпольщиков, расстрелянных в период 1918–1920 годов, а постамент поверженного памятника императору стал основанием обелиска жертвам интервенции. Снятую с постамент статуя первоначально перенесли в домик Петра, а к 1934 году (после перевозки остатков домика Петра в Коломенское) передали на хранение в краеведческий музей.

Восстановление памятника Петру I в Архангельске произошло в контексте «национального поворота» во внутренней политике второй половины 1940-х годов, в условиях, когда «сталинская реабилитация дореволюционной военной истории наложилась на уже существующие инициативы по охране архитектурного наследия» [2]. Это предопределило обращение к памяти о Петре I в контексте военной истории, и прежде всего Полтавской победы, 240-летний юбилей которой должен был отмечаться в 1949 году. В риторике послевоенных лет Полтавская баталия определялась как «образец русского военного искусства, сумевшего в поразительно короткий срок опередить военное искусство Западных стран»³⁷.

Появлявшиеся накануне и в год юбилея публикации, подчеркивая единство и преемственность отечественной военной истории, способствовали фактическому соединению мемориальной и геополитической функции памятников:

«Беспощадно уничтожать врагов, покушающихся на независимость родной страны, стало издавна славной традицией русского народа. Эту замечательную традицию с честью продолжают советские люди, граждане великой социалистической державы – Советского Союза»³⁸.

В начале сентября 1948 года архангельский горисполком принял решение о восстановлении памятника Петру I. Было решено отвести для памятника площадку недалеко от прежнего места его установки. Областная газета «Правда Севера» сообщила о восстановлении памятника в маленькой заметке на третьей полосе:

«Все составные части памятника хорошо сохранились... Для монтажа памятника отведена площадка на берегу Северной Двины против четвертой школы. Здесь уже закончена укладка фундамента. В ближайшее время к новому месту будут подвезены гранитный пьедестал, основание памятника и остальные части»³⁹.

Статуя водрузили на перевезенный с прежнего места исторический постамент (при этом был сооружен новый памятник жертвам интервенции, торжественно открытый 15 февраля 1949 года). Восстановленный памятник Петру I был открыт без широкого публичного празднования. В 1955 году на основании заявки Архангельского горкомхоза было проведено благоустройство территории скверов у памятников жертвам интервенции и Петру I. Вокруг них была возведена металлическая ограда, выполненная на местном заводе «Красная кузница»⁴⁰. В постсоветское время расположенный рядом с памятником парк стал именоваться Петровским.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Памятник Петру I стал одной из главных достопримечательностей Архангельска. В истории его создания и восстановления нашли отражение характерные черты формирования и изменений российской мемориальной культуры, особенности взаимодействия между локальной исторической памятью и официальным историческим нарративом Российской империи, а затем Советского государства. В качестве ключевого события выделялась Полтавская победа: поводом для сооружения памятника стал ее 200-летний юбилей, а восстановление проходило в контексте подготовки к празднованию 240-летия битвы. Монументальная коммеморация Петра I в Архангельске основывалась не только, а затем и не столько на событиях местной истории, но помещала в центр внимания военную историю России в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Один из островов в дельте Северной Двины, расположенный напротив центра Архангельска.

² Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 2. Оп. 1. Т. 2. Д. 2164. Л. 9.

³ Места памяти (*lieux de mémoire*), по замечанию предложившего данное понятие П. Нора, это места, «где память кристаллизуется и находит свое убежище» [10: 17] – «музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации» [10: 26]. Нора отмечал, что «места памяти рождаются и живут благодаря чувству, что спонтанной памяти нет, а значит – нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты» [10: 26].

- ⁴ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 2. Д. 2164. Л. 1.
- ⁵ Там же. Л. 3–8. В листах представлены подписи 170 чиновников, 17 священников, 47 купцов, 4 военных, 41 мещанина, 3 крестьян и пр.
- ⁶ Ермилов Н. История сооружения памятника Ломоносову в Архангельске // Исторический вестник. 1889. Т. 36. № 4. С. 174–180.
- ⁷ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 2. Д. 2164. Л. 2 об.
- ⁸ Там же. Л. 11 об.
- ⁹ Петр Великий на Севере: популярный очерк с портретом Петра I. Архангельск: Губернская типография, 1909. 20 с.; Петр Великий на Севере: Сб. ст. и указов, относящихся к деятельности Петра I на Севере / Под ред. А. Ф. Шидловского. Архангельск: Губернская тип., 1909. 168, 66 с.
- ¹⁰ ГААО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 1643. Л. 1.
- ¹¹ Поселение, возникшее на островах в дельте Северной Двины, тогда (и ныне) исторический район Архангельска, на территории которого по указу Петра I были основаны верфь и адмиралтейство.
- ¹² Архангельские губернские ведомости. Часть неоф. 1909. № 88, 89, 91–99, 101–103, 105, 106, 111–113, 115.
- ¹³ ГААО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 1643. Л. 17.
- ¹⁴ Там же. Л. 17 а.
- ¹⁵ Идею создания статуи Петра I Марк Матвеевич Антокольский начал реализовывать в Риме, для эскизов использовал фотографии с портретов царя в фас и профиль, эстампы с монет петровского периода и даже мундир Преображенского полка из костюмерной императорских театров, все это в Рим отправил его друг В. В. Стасов. Крамской по просьбе Стасова сделал для скульптора рисунок головы Петра с его посмертной маски. В письмах жаловался на итальянскую глину, с которой было трудно работать: «Сегодня прихожу (в мастерскую. – Т. Т., Е. Ш.) и вижу, что половина ленты на груди Петра отвалилась <...> С досадой принужден делать другую <...> к вечеру <...> вдруг слышу – что-то упало, и вижу, что шарф отскочил. Что вы тут прикажете делать?» (Кузнецова Э. В. Марк Матвеевич Антокольский. Л.: Художник РСФСР, 1986. С. 35). В июне 1872 года статуя была отправлена в Москву на Первую Всероссийскую политехническую выставку, организованную к 200-летию со дня рождения Петра I. После выставки статуя Петра была исправлена скульптором и через пять лет представлена на Всемирной выставке в Париже, где имела большой успех.
- ¹⁶ ГААО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 1643. Л. 11.
- ¹⁷ Там же. Д. 1648. Л. 4–4 об.
- ¹⁸ Там же. Д. 1643. Л. 32.
- ¹⁹ Помощник управляющего Санкт-Петербургской сухопутной таможней сообщал в письме от 21 декабря 1909 года, что министр финансов «разрешил Архангельской Городской Думе беспрошленный пропуск статуи императора Петра I, изготовленной за границей и доставленной для постановки в Архангельске в память троекратного посещения г. Архангельска императором Петром I и его царственных трудов на пользу Северу». ГААО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 1643. Л. 35.
- ²⁰ Так, в письме Я. П. Антокольского Я. И. Лейцингеру от 21 января 1910 года сообщалось, что таможня грозит отправить статую обратно, потому что ее никто до сих пор не востребовал. Оплату Я. П. Антокольский получил лишь в мае 1910 года. ГААО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 1643. Л. 36 об., 38.
- ²¹ ГААО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 1643. Л. 17 об. –18.
- ²² Петр Герардович Минейко – действительный член Архангельского общества изучения Русского Севера, гласный Городской думы, член губернского Статистического комитета, член Архангельского отделения Императорского общества судоходства. Также руководил работами по сооружению каменного футляра над мемориальным домиком Петра I (1909–1913). См.: Куратов А. А. Минейко Петр Герардович (1868–1920) // Поморская энциклопедия. Т. 1: История Архангельского Севера. Архангельск, 2001. С. 246.
- ²³ ГААО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 1643. Л. 44 об.
- ²⁴ Кондостров был передан Соловецкому монастырю из государственной казны в 1897 году. На острове был основан Никольский скит и устроены каменоломни.
- ²⁵ ГААО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 1648. Л. 12 об.
- ²⁶ Там же. Л. 13.
- ²⁷ Там же. Д. 1643. Л. 53.
- ²⁸ На торгах Я. М. Насонов оценил свою работу в 1040 рублей. Впрочем, вскоре он представил в Городскую управу счет на дополнительные расходы на сумму 517 рублей: копка ямы под фундамент, разравнивание, утрамбовка, устройство лесов, вырубка, золочение букв и т. п. ГААО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 1648. Л. 56, 129.
- ²⁹ Там же. Д. 1643. Л. 101.
- ³⁰ Там же. Л. 128.
- ³¹ Там же. Оп. 1. Д. 1460. Л. 13.
- ³² Там же. Л. 14 об.
- ³³ Там же. Оп. 8. Т. 1. Д. 2663. Л. 89–90.
- ³⁴ Дедков Ал. На открытии // Архангельск. 1914. № 143. 28 июня. С. 3.
- ³⁵ ГААО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 1643. Л. 151.
- ³⁶ Декрет «О памятниках Республики». 12 апреля 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1959. С. 95–96.
- ³⁷ Базилевич К. Памятник русской воинской славы. К 240-летию Полтавского сражения // Правда Севера. 1949. 8 июля. С. 3.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Восстановление памятника Петру Первому в Архангельске // Правда Севера. 1948. 7 сентября. С. 3.

⁴⁰ ГААО. Ф. 222. Оп. 1–4. Д. 122–10. Л. 1–4 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акишева В. Д. Сергей Пец – архитектор северного модерна // Техника. Технологии. Инженерия. 2017. № 3 (5). С. 37–42 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://moluch.ru/th/8/archive/62/2435/> (дата обращения 16.05.2021).
2. Габович М. Скорбь, реставрация, геополитика: сталинский национальный поворот и военные памятники 1940-х годов: Тез. докл. // Германский исторический институт в Москве [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.dhi-moskau.org/fileadmin/user_upload/DHI_Moskau/pdf/Veranstaltungen/2016/Abstract_2016-01-25_ru.pdf (дата обращения 10.05.2021).
3. Емельянова Т. П. Коллективная память о личности Петра I; Петр I и его эпоха в коллективных воспоминаниях // Емельянова Т. П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. М.: Институт психологии РАН, 2019. С. 121–162.
4. Еремеева С. А. Каменные гости: монументальные памятники коммеморации // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом / Отв ред. А. Н. Дмитриев. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. С. 499–532.
5. Ефремова В. Н. Государственные праздники как инструменты символической политики: Возможности теоретического описания // Символическая политика. Вып. 2: Споры о прошлом как проектирование будущего. М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 66–79.
6. Залывский Н. П. Экспортно-импортная экономика северных регионов России на перекрестке международных санкций: практика прошлого и настоящего, геополитика компромисса // Арктика и Север. 2017. № 28. С. 36–63. DOI: 10.37482/issn2221-2698
7. Куриллы И. И. Историческая память и публичная коммеморация // Память и памятники. Вып. 3 / Под ред. И. И. Куриллы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. С. 4–12.
8. Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития: Журнал политической философии и социологии политики. 2017. № 4 (87). С. 6–22.
9. Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 224 с.
10. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / Пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 17–50.
11. Савельева И. М., Полетаев А. В. Социальные представления о прошлом: источники и репрезентации. Препринт. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 52 с.
12. Шалимова В. П. М. М. Антокольский. Петр I // Из бронзы и мрамора. Л.: Художник РСФСР, 1965. С. 182–196.
13. Assmann A. Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. Munich: C. H. Beck, 2006. 320 s.
14. Bell D. S. A. Mythscapes: Memory, mythology, and national identity // British Journal of Sociology. 2003. Vol. 54 (1). P. 63–81. DOI: 10.1080/0007131032000045905
15. Cultural memory studies: An international and interdisciplinary handbook. (A. Erll, A. Nünning, Eds.). De Gruyter, 2010. 441 p.
16. Dimitropoulos H. The character of contemporary memorials // Places. 2009. Vol. 21 (1). Available at: <https://escholarship.org/uc/item/4bjld7pq> (accessed 10.05.2021).
17. Dwyer O. J., Alderman D. H. Memorial landscapes: analytic questions and metaphors // GeoJournal. 2008. Vol. 73 (3): Collective memory and the politics of urban space. P. 165–178. DOI: 10.1007/S10708-008-9201-5
18. Halbwachs M. On collective memory. (L. A. Coser, Ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1992. 254 p.
19. Monuments and memory, made and unmade. (R. S. Nelson, M. Olin, Eds.). University of Chicago Press, 2004. 354 p.

Поступила в редакцию: 24.05.2021; принята к публикации 26.07.2021

Original article

Tatiana P. Teterevleva, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov

(Arkhangelsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0003-0290-9480; t.teterevleva@narfu.ru

Elena E. Shurupova, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov; Solovetsky Historical, Architectural and Natural Museum-Reserve

(Arkhangelsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0003-2842-7439; e.shurupova@narfu.ru

MONUMENTAL COMMEMORATION OF PETER THE GREAT IN ARKHANGELSK

Abstract. The article addresses the creation and transformation of a site of memory related to the visits of Peter the Great to the Russian North. The history of constructing and restoring the monument to Peter the Great in Arkhangelsk,

being presented in the framework of collective memory studies, makes it possible to identify how the monumental commemoration was discussed in the local community and trace the interaction between the local memorial culture and the official historical narrative of the Russian Empire and later the Soviet state. Based on the documents from the State Archives of the Arkhangelsk Region and local press, the article presents the main stages of constructing the site of memory and commemorative practices associated with it, as well as the specifics of interaction between their participants. The authors show that the monumental commemoration of Peter the Great was not only based on the events of local history, but also focused on the military history of the Russian state highlighting the Poltava victory as the key event.

Keywords: monument to Peter the Great, Arkhangelsk, Mark Antokolsky, collective memory, monumental commemoration

Acknowledgements. The authors express their sincere gratitude to the staff of the State Archives of the Arkhangelsk Region.

For citation: Teterevleva, T. P., Shurupova, E. E. Monumental commemoration of Peter the Great in Arkhangelsk. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(6):107–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.663

REFERENCES

1. Akisheva, V. D. Sergey Petz – the architect of the northern Art Nouveau. *Technics. Technology. Engineering*. 2017;3(5):37–42. Available at: <https://moluch.ru/th/8/archive/62/2435/> (accessed 16.05.2021). (In Russ.)
2. Gabovich, M. Sorrow, restoration, geopolitics: Stalinist national turn and military monuments of the 1940s: Abstract. *German Historical Institute in Moscow*. Available at: https://www.dhi-moskau.org/fileadmin/user_upload/DHI_Moskau/pdf/Veranstaltungen/2016/Abstract_2016-01-25_ru.pdf (accessed 10.05.2021). (In Russ.)
3. Emel'yanova, T. P. Collective memory of the personality of Peter the Great; Peter the Great and his era in collective memories. *Emel'yanova, T. P. Collective memory of the events of Russian history: socio-psychological approach*. Moscow, 2019. P. 121–162. (In Russ.)
4. Ereemeva, S. A. Stone guests: monumental memorials of commemoration. *Historical culture of Imperial Russia: the formation of ideas about the past*. (A. N. Dmitriyev, Ed.). Moscow, 2012. P. 499–532. (In Russ.)
5. Efremova, V. N. Public holidays as instruments of symbolic politics: opportunities for theoretical description. *Symbolic politics*. Issue 2: The debate about the past as the design of the future. Moscow, 2014. P. 66–79. (In Russ.)
6. Zalyvsky, N. P. Export-import economics of the northern regions of Russia at the crossroad of international sanctions: past and present, geopolitics of compromise. *Arctic and North*. 2017;28:36–63. DOI: 10.37482/issn2221-2698 (In Russ.)
7. Kurilla, I. I. Historical memory and public commemoration. *Memory and monuments*. Issue 3. (I. I. Kurila, Ed.). Volgograd, 2012. P. 4–12. (In Russ.)
8. Malinova, O. Yu. Commemoration of historical events as instrument of symbolic policy: possibilities of comparative analysis. *Politeia: Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics*. 2017;4(87):6–22. (In Russ.)
9. Methodological issues of memory politics research. (A. I. Miller, D. V. Efremenko, Eds.). Moscow, St. Petersburg, 2018. 224 p. (In Russ.)
10. Nora, P. Problems of places of memory. *France–memory*. (P. Nora, M. Ozouf, G. de Puymège, M. Vinok). St. Petersburg, 1999. P. 17–50. (In Russ.)
11. Savelyeva, I. M., Poletaev, A. V. Social views of the past: sources and representations: Preprint. Moscow, 2005. 52 p. (In Russ.)
12. Shalimova, V. P. M. M. Antokolsky. Peter the Great. *Of bronze and marble*. Leningrad, 1965. P. 182–196. (In Russ.)
13. Assmann, A. Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. Munich, 2006. 320 s.
14. Bell, D. S. A. Mythscapes: Memory, mythology, and national identity. *British Journal of Sociology*. 2003;54(1):63–81. DOI: 10.1080/0007131032000045905
15. Cultural Memory studies: An international and interdisciplinary handbook. (A. Erll, A. Nünin, Eds). De Gruyter, 2010. 441 p.
16. Dimitropoulos, H. The character of contemporary memorials. *Places*. 2009;21(1). Available at: <https://escholarship.org/uc/item/4bj1d7pq> (accessed 10.05.2021).
17. Dwyer, O. J., Alderman, D. H. Memorial landscapes: analytic questions and metaphors. *GeoJournal*. 2008;73(3):165–178. DOI: 10.1007/S10708-008-9201-5
18. Halbwachs, M. On collective memory. (L. A. Coser, Ed.). Chicago, 1992. 254 p.
19. Monuments and memory, made and unmade. (R. S. Nelson, M. Olin, Eds.). University of Chicago Press, 2004. 354 p.

Received: 24 May, 2021; accepted: 26 July, 2021